

УДК 314.04(571.6)

АДАПТАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА (1856–1917 ГОДЫ)

Кутовая С.В.

*Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан,
e-mail: fotinya.2012@yandex.ru*

Предметом исследования является адаптация переселенцев и аборигенного населения. Объектом выступает социально-культурное пространство Дальневосточного региона в период с 1856 по 1917 г. Цель работы – выявить адаптационные практики переселенцев и аборигенного населения в условиях формирования социально-культурного пространства Дальневосточного региона. В авторском исследовании была проанализирована, систематизирована и обобщена научная информация о переселенческом движении на дальневосточные земли, опубликованная в научных статьях, монографических работах, средствах массовой информации. Изучение данных источников позволило рассмотреть разные точки зрения на переселенческую политику государства, процесс адаптации переселенцев и аборигенного населения. В результате выявлено, что адаптация связана с природно-климатическими, социально-экономическими, этнокультурными и социально-медицинскими факторами. Большое значение в процессе адаптации имело отношение власти к переселенческому процессу. Наиболее успешно акклиматизация проходила среди первых переселенцев и наступала через пару лет, так как это были мигранты, частично приспособленные к суровым условиям, из Сибири, Урала, Севера Европейской части России. Определена взаимная адаптация в хозяйственных, экономических и социально-культурных практиках, выражающаяся в трансформациях в жилищной архитектуре, одежде, организации семейного уклада, трудовой деятельности и ведении хозяйства. Также трансформации коснулись социальной организации жизнедеятельности и этнического самосознания аборигенов.

Ключевые слова: трансформация, переселенцы, аборигенное население, миграция, новосел, адаптация, социальное взаимодействие, этнокультурное взаимодействие, социально-культурное пространство, экстремальные условия

ADAPTATION OF IMMIGRANTS AND ABORIGINAL POPULATION IN THE CONDITIONS OF FORMATION OF SOCIAL AND CULTURAL SPACE OF THE FAR EAST REGION (1856–1917)

Kutovaya S.V.

*Institute for Complex Analysis of Regional Problems Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences,
Birobidzhan, e-mail: fotinya.2012@yandex.ru*

The subject of the study is the adaptation of immigrants and aboriginal population. The object is the social and cultural space of the far East region in the period from 1856 to 1917. The purpose of the work is to identify the adaptation practices of immigrants and aboriginal population in the conditions of formation of the social and cultural space of the far East region. In the author's study was analyzed, systematized and generalized scientific information about the migration movement to the far Eastern lands, published in scientific articles, monographic works, the media. The study of these sources allowed us to consider different points of view on the resettlement policy of the state, the process of adaptation of immigrants and aboriginal population. As a result, it was revealed that adaptation is associated with natural and climatic, socio-economic, ethno-cultural and socio-medical factors. Great importance in the process of adaptation was the attitude of the authorities to the resettlement process. The most successful acclimatization took place among the first immigrants and came in a couple of years, as they were migrants, partially adapted to the harsh conditions, from Siberia, the Urals, the North of the European part of Russia. Mutual adaptation in economic, economic and socio-cultural practices, expressed in the transformations in the housing architecture, clothing, family life, work and farming, is determined. Also, the transformation affected the social organization of life and ethnic identity of the aborigines.

Keywords: transformation, migrants, aboriginal population, migration, new settlement, adaptation, social interaction, ethno-cultural interaction, social and cultural space, extreme conditions

Изучение процессов адаптации в социально-культурном пространстве региона невозможно без должного осмысления его эволюции, без обращения к истории его формирования. С этой позиции социально-культурное пространство региона реконструируется в определенных хронологических периодах своего развития. На начальном этапе была характерна миграция населения из густонаселенных территорий России на территорию Дальнего Востока, в результате

чего у переселенцев происходили межкультурные взаимодействия с аборигенным населением, без которых нельзя представить освоение данной территории [1].

Цель статьи: выявить адаптационные практики переселенцев и аборигенного населения в условиях формирования социально-культурного пространства Дальневосточного региона.

В данном исследовании была проанализирована, систематизирована и обобщена

на научная информация о переселенческом движении на дальневосточные земли, опубликованная в научных статьях, монографических работах, средствах массовой информации. Изучение данных источников позволило рассмотреть разные точки зрения на переселенческую политику государства, процесс адаптации переселенцев и аборигенного населения, выявить некоторые особенности миграционного процесса.

Результаты исследования и их обсуждение

Выявлено, что в большинстве работ одним из основных факторов успешной адаптации к новым условиям указывается отношение власти к переселенческому процессу: условия и размер государственной поддержки, наличие всевозможных преференций, внимание генерал-губернаторов и пр. [2]. Путь переселенца был длительным, и часто проходило от трех до четырех лет, прежде чем семья добиралась до места [3]. За это время терялась домашняя живность, утварь [4]. Признавая всю важность крестьянского переселения на дальневосточные территории, государство оказывало всевозможную помощь: покупался новый скот, выдавалось денежное довольствие для покупки необходимой сельскохозяйственной утвари, зерно для посева, и пр. [5].

Особенно трудно давалась адаптация к экстремальным природно-климатическим условиям. Муссонные дожди, высокая влажность и наводнения, длинная малоснежная и суровая зима, большое количество гнуса — ко всему приходилось приспосабливаться [6, 7]. Наиболее успешно акклиматизация проходила среди первых переселенцев и наступала через пару лет, так как это были мигранты, частично приспособленные к суровым условиям, из Сибири, Урала, Севера Европейской части России [8]. Последующие переселенцы были выходцами из Европейской части России, и этот процесс им давался уже сложнее [9].

Среди первых переселенцев была высокая доля зажиточных крестьян, что обусловлено критериями к отбору переселенцев. Это были крестьяне из среднего слоя, способные экономически выдержать переезд на дальневосточную территорию. В конце 70-х гг. XIX в. имела практика отведения земли единым участком для каждого селения, которые имели отводы от 2 до 10 тыс. десятин (к примеру, в Приморской области они составляли 68,4%, в Амурской — 69,2%) [10]. Но такое деление приводило к неравномерному распределению земельных наделов. Размеры земель под пахот-

ные работы и сенокосные угодья не были фиксированными, так как бытовало право первого захвата земли: можно было взять столько земли, сколько можно было распашать. Данная модель расширяла возможности для роста материального благополучия старожилов, что привело к выделению зажиточного слоя на Дальнем Востоке России и возникновению социального расслоения в крестьянской среде. Состоятельный крестьянин, располагая большим наделом земли, мог сдавать ее в аренду крестьянам-новоселам.

Однако открытие Транссибирской магистрали и успешное освоение дальневосточных территорий привели к отмене правительством «Правил» от 26 марта 1861 г. и принятию 22 июня 1900 г. Закона «Об образовании переселенческих участков в Амурской и Приморской областях». Переселившихся после принятия этого закона стали называть «новоселами» [11]. Кроме того, начался поток переселенцев с низким социальным статусом. В основном преобладали бедные, мало- и безземельные крестьяне. Появилась практика выделения новоселам земельного участка по предписанию администрации, что значительно снижало возможность повышения экономического статуса новых переселенцев. Приходилось осваивать малопригодные для земледельческих практик участки, а для того, чтобы завести хозяйство, необходимо вложить большое количество сил и материальных средств, чего у новых переселенцев не было.

Согласно статистическим расчетам того времени, для покупки самого необходимого новоселу необходимо было не менее 645–745 руб. [12]. В списке числились: «рабочий и молочный скот, сельскохозяйственный инвентарь, постройка жилых и хозяйственных помещений, семена и пр.». Данные условия позволяли крестьянину начать возделывание земель только на третий-четвертый год [13].

До конца 80-х гг. XIX века при возделывании земель крестьяне пользовались привычными видами орудий, но все чаще в хозяйственной практике стали использоваться новые сельхозорудия: жатки, сенокосилки, молотилки и т.д. Однако новосельское хозяйство в этот период было достаточно неустойчиво и в собственности техника была у небольшого количества крестьян (всего 2–3 машины приходилось на несколько селений). Часто новоселы прибегали к объединению рабочего скота нескольких хозяйств, так называемой «супряге». Для того чтобы как-то улучшить свое материальное положение, многие крестьяне-новоселы

стали заниматься новыми видами промыслов: охотой, прядением и ткачеством, рыболовством, пчеловодством и пр.

Самыми предприимчивыми и адаптируемыми были крестьяне из религиозных общин: старообрядцы и молокане. Этому способствовала самобытная организация их социально-культурной и социально-экономической жизни. Сохранение традиционных устоев, ценностей (трудолюбие, сохранение здоровья как ценности, институт вспомоществования, хозяйственность и др.) позволило удержать общинный тип крестьянской жизни, при этом использовать новые изобретения в своей деятельности. Для усовершенствования и облегчения своего труда молокане и старообрядцы одними из первых стали применять в земледелии сельскохозяйственную технику (конные сенокосилки, молотилки), делать вложения в новые сферы деятельности: предпринимательство, строительство, мукомольное производство, торговлю и прочее.

Жизненный уклад и хозяйственные практики, приобретенный вековой опыт ведения сельского хозяйства в Европейской части России на территории Дальнего Востока в силу социально-экономических и природно-климатических условий претерпели изменения в области земледелия, структуры посевных культур, подсобных промыслов, приемов ведения хозяйства и многих других элементов хозяйствования [14].

Адаптационный процесс затронул и сферу межкультурной коммуникации с аборигенным населением. Появились новые практики хозяйственной деятельности у крестьян, перенятые у коренных народов: собирательство дикоросов и промысел зверя, рыболовство с применением национальных снастей. Местное же население стало применять на практике изделия, изготовленные из железа (хозяйственную утварь, сельскохозяйственные орудия труда, огнестрельное оружие и пр.), а также развивать огородничество, сенокосение, делать заготовки на зиму [15].

Отмечаются изменения в экономическом пространстве аборигенного населения, связанные с применением новых трудовых практик (занятие извозом, заготовка дров для пароходов, работа в рыболовецких артелях), развитием товарно-денежного обращения. Местные женщины стали участвовать в ярмарках, торговле пушниной, рыбой, что привело к возможности управлять денежными средствами, повышению их статуса, повлияло на экономическую независимость и мужчин и женщин.

Также трансформации коснулись социальной организации жизнедеятельности

и этнического самосознания аборигенов. Во-первых, коренное население стали назначать на престижные должностные места, которые были постоянными и часто переходили по наследству, что существенно повышало авторитет среди русского и местного сообщества. Начинает проявляться имущественное расслоение. Во-вторых, произошли изменения в родовой организации. Аборигены стали отказываться от кровосмесительных браков. Этому способствовала Православная церковь, а также уклад жизни русских переселенцев, в которых существовало главенство старшего мужчины и половозрастное разделение труда. Аборигенные семьи в целом практически не отличались от семей русских переселенцев и имели следующую структуру:

- преимущественно состояли из «малых» семей, включающих: супругов с детьми, неженатых братьев, сестер, дядьев и теток;

- «расширенные малые трехпоколенные» семьи, включающие в себя: супружеская пара с детьми и одним из родителей;

- «неполные малые двухпоколенные семьи», которые состояли из вдовы или вдовца с детьми;

- «неразделенные родительские», включающие: супруги с одним или несколькими женатыми сыновьями и внуками;

- «неразделенные братские», где жили два и более брата с женами, детьми и другими родственниками [16];

- а также «сложные полигамные» семьи, включающие мужа, несколько жен, детей и родственников [17].

В-третьих, привнесены изменения в строительство жилища аборигенов: вместо яранг (юрт), землянок стали строиться срубы.

Взаимовлияния коснулись и одежды. Русские переняли у местного населения более удобную для промыслов в зимнее время одежду, а аборигены стали применять в украшении национальных костюмов более широкую цветовую гамму и русский бисер, чаще использовали готовую русскую одежду: сапоги, картузы, рубахи, кафтаны, женские платки и т.п. Это позволило снизить трудоемкость изготовления традиционных элементов одежды из шкуры и кожи.

Но происходили не только положительные трансформации при взаимодействии переселенцев и аборигенного населения. Самый серьезным испытанием стали эпидемии, введенные в аборигенную среду первыми переселенцами, что существенно повлияло на социально-демографическую ситуацию. В.А. Тураев так описывает происходящие события: «На территории Дальнего Востока первая её эпидемия была за-

фиксирована в 1650–1653 гг. на Нижней Яне (умерли все проживавшие там якуты). В Якутии, на Охотском побережье и Чукотке эпидемии оспы отмечались в 1659–1661, 1669–1670, 1681, 1683, 1688–1689, 1690–1692, 1695, 1697, 1714 гг. В 1691 г. от оспы погибло большинство олонских юкагиров. На Камчатку оспу занёс в 1768 г. якутский казак Тарабукин. С октября 1768 по июль 1769 г. от неё умерло 4767 ительменов и оседлых коряков и 315 русских – 65% всего населения. На восточном берегу Камчатки после эпидемии почти не осталось ительменского населения. Не успели оправиться от оспенной эпидемии, как появилась новая напасть. Прибывшие в 1799 г. в Петропавловск солдаты гарнизонного полка Сомова заразили жителей Камчатки сыпным тифом. К лету 1800 г. от эпидемии скончалось почти 2 тыс. камчадалов, коряков и русских. Эта эпидемия, получившая название «сомовское поветрие», положила начало окончательному угасанию ительменов. Эпидемии оспы свирепствовали и в XIX в. Их фиксировали в 1815, 1833, 1845, 1875–1876, 1880 гг. В 1883 г. прекратил существование г. Зашиверск, уцелело около 40 чел., ушедших в тундру до начала эпидемии. С оспой связано исчезновение в конце XIX в. нескольких родовых подразделений орочей. В 1908–1909 гг. на Сахалине от оспы умерло 140 нивхов» [18].

Кроме эпидемий началось широкое распространение употребления алкоголя среди аборигенного населения, завозимого промышленниками и предпринимателями. Так как у аборигенного населения уже сложились товарно-денежные отношения, то спиртное они могли приобретать в многочисленных кабаках.

Выводы

Выявлено, что всевозможные этнические и конфессиональные группы, переселявшиеся на дальневосточную территорию, несмотря на сформированные несколькими поколениями социально-культурные и социально-экономические практики, выработали адаптационные стратегии в условиях, приближенных к экстремальным. Определено, что адаптационные процессы детерминированы природно-климатическими, социально-экономическими, этнокультурными и социально-медицинскими факторами, связаны с изменением хозяйственных практик, тесным взаимодействием и проникновением культур между переселенцами и аборигенным населением, привнесением изменений в хозяйственные, экономические и социально-культурные практики. Большое значение в про-

цессе адаптации имело отношение власти к переселенческому процессу.

Список литературы

1. Кутовая С.В. Маргинальные факторы формирования социального пространства Дальневосточного региона // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 158–162.
2. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. 1917 г.). URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/contents/books00/alekseev.ssi> (дата обращения: 01.08.2018).
3. Аргудяева Ю.В. Этническая и этнокультурная история русских на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX начало XX в.) // Кн. 1. Крестьяне. Владивосток: Дальнаука, 2006. 312 с.
4. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Files&in=vie-w&id=333> (дата обращения: 09.08.2018).
5. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX века). URL: <http://na5ballov.pro/lib/kray/357-kabuzan-vm-kak-zaselyalsya-dalniy-vostok-vtoraya-polovina-xvii-nachalo-xx-veka.html> (дата обращения: 18.08.2016).
6. Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток URL: http://spatial-economics.com/images/spatial-economics/1_2012/SE.2012.1.007-028.Minakir.pdf (дата обращения: 17.08.2018).
7. Рыбаковский Л.Л. Демографический потенциал Дальнего Востока, его динамика и качество URL: <http://rybakovsky.ru/naseleniereg1.html> (дата обращения: 11.08.2018).
8. Книппович Б.Н. К вопросу о дифференциации русского крестьянства. (Дифференциация в сфере сельскохозяйственного труда) // Труды экономического семинария под руководством М.И. Туган-Барановского при юридическом факультете Петербургского университета, 1912. Вып. 1. 112 с.
9. Кутовая С.В. Факторы формирования отношения принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам в Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 125–130.
10. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, дополненное всеми узаконениями на 1 января 1895 г. 3-е изд. СПб., 1895. 204 с.
11. Аргудяева Ю.В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX начало XX в.) // Кн. 1. Крестьяне. Владивосток: Дальнаука, 2006. 312 с.
12. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ.: Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский: Материалы по исслед. переселен, хозяйств / Под ред. В.Я. Нагнибеды. Томск: Б. и., 1913. Изд. 2. С. 46.
13. Аргудяева Ю.В. Семья и семейный быт приморских старообрядцев в Маньчжурии // Вестн. ДВО РАН. 2008. № 5. С. 143–158.
14. Пешехонов А.В. Крестьянское малоземелье как проблема экономической политики: (по работам сельскохозяйственных комитетов) // Русское богатство. 1904. № 7. С. 84–122.
15. Симонова В.В. Интерпретации пространства представителями малочисленных народов севера в различных социокультурных средах: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2008. 36 с.
16. Аргудяева Ю.В. Влияние русского православия на быт коренных народов Приамурья и Приморья // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 41–51.
17. Кутовая С.В. Факторы формирования отношения принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам в Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 125–130.
18. Тураев В.А. Исторические последствия этнокультурных контактов на российском Дальнем Востоке (XVII–XVIII вв.) // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 126–137.